

Xenia Pike

КАК

ИЗТНАТЬ

ЗЛО?

сборник рассказов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Xenia Pike

Как изгнать зло?

«Автор»

2025

Pike X.

Как изгнать зло? / X. Pike — «Автор», 2025

С тех пор, как покинула монастырь, жизнь Вереи превратилась в бесконечную борьбу с нечистью. На “Белой Тени” она плывёт от порта к порту, выискивая способ вытравить беса из подруги детства. Спустя одиннадцать лет от этой привязанности остались лишь обрывки воспоминаний, запечатлённые в старом аудиодневнике. Йома, бесовка, что присвоила чужое тело, всё это время была рядом. Сопровождала Верею, помогала ей в охоте на нечисть, соблазняла силой, скрашивала одиночество. Но можно ли назвать их связь настоящей дружбой? Прошлое нельзя переписать. Старая подруга давно потеряна, зато новая стоит рядом. А выбор неизбежен: кого оставить, а кого погубить.

Содержание

Глава 1.	5
Часть 1. Охота на упыря. Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	14
Глава 5	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Хenia Pike

Как изгнать зло?

Глава 1.

Запись _ _ _ [не атрибутировано].

Звук: щелчок, бульк. На фоне слышатся смехи. Затем два девичьих голоса спорят:

– Спорим, что духу не хватит!

– Ещё как хватит!

– Струсишь, струсишь в баню идти ночью!

– А вот и не струшу!

– А докажи! Пойди да принеси нам камень печной. Тогда и перестанем звать тебя трусишкой.

– Вот и пойду! Ворочусь до первых петухов.

В разговор вступает третий голос, звонкий как ручей:

– Только не в ту, где мы обычно паримся. А в ту, где никто не парится, а огонёк по ночам горит.

Голос второй девочки опускается до шёпота:

– Настук, ты что, там же обдериха живёт.

– Так ты не только трусишка, Верея, но ещё и совсем ребёнок, раз в сказки деревенские веришь.

Первая девочка вклинивается в спор:

– А я слышала, что это сестрица Огнена деда Полуя сгубила. Вот так помылся в последний раз да и помер, и кожа слезла, как у варёной куклы...

– Дура ты, Мила, если кожа слезла, то это точно обдерихина работа. Баня же.

– Верея правду говорит. Ну как, Вереюшка, пойдёшь в баньку?

Девочки начинают смеяться.

– Пойду я, только не смейтесь больше. Пауза. Настук, проводишь меня до бани?

– Хорошо, только камень-то не забудь.

На фоне шуршит ткань.

– Ты уверена, что стоит идти сейчас? Ночь, опасно...

В ответ раздаётся хихиканье. В звонком, как трель колокольчика голосе, явно звучит насмешка:

– Верея, ты боязливая, как зайчонок весенний. Конечно, нужно ночью идти. Игумена если узнает, выпорот, ещё и без еды на три дня оставит. Ты, главное, подношение собери.

Голоса затихают на некоторое время. На фоне слышится редкий стук капель.

– Ха, паршивая векша из тебя! Кто лопотуха сухого хлеба да гнилую картофелину в дар святой носит?

– Дар важен не вещами, а самим подноше...

Щелчок фоноскрипта. Запись обрывается.

* * *

Часть 1. Охота на упыря. Глава 1

34 день 2-го летнего месяца 11 года.

Мне показалось, что я провалилась в сон, как тут же звонкий голос Настук вывел меня из забытья. Открыв глаза, мне понадобилось некоторое время, чтобы осознать, – рядом со мной вовсе не подруга, а существо, что завладело её телом. Всё в ней выглядело таким знакомым: светлые русые волосы, полные губы цвета красных спелых яблок. Время не тронуло её лицо, Настук была всё той же семнадцатилетней девушкой.

Глаза – зеркало души. Стоит заглянуть в них и сразу понимаешь человек перед тобой или нечисть. Бесовка смотрела на меня жёлтыми глазами из дальнего тёмного угла комнаты. И улыбалась.

В отличие от меня, она не нуждалась в отдыхе. Зло вообще никогда не спит. Эту простую истину я поняла давно. А вот бесовке понадобилось одиннадцать лет, чтобы осознать свою силу. И теперь стоит мне только прикрыть глаза, как она тут же начинает изрыгать чужим ртом всякие нелепости.

Я сидела за столом и просматривала карту местных рек. Десятки безымянных притоков то сужались, то расширялись, петляли, соединялись и вновь расходились. По моим расчётам, я должна была добраться до Вельдорта не позднее ячменной ночи, что была десять ночей назад...

(Примечание: местные карты совершенно не отражают реальной береговой линии.)

Внезапно одержимая подала голос и спросила:

– *Знаешь, сколько вёдер крови в теле одного человека?* – Не дожидаясь ответа продолжила свои циничные рассуждения: – *Неудивительно, что вы одержимы своей кровью. Столько силы заключено в одном теле.* – Она мечтательно облизнула губы, зная, что привлекла моё внимание. – *Да вы просто ходячая приманка для любой нечисти: свеженькие, тёплые, сочные... мм.*

К собственному разочарованию, должна признать, что проявила слабость. Свернув бесполезную карту, я задала встречный вопрос:

– Разве это не относится и к тебе, ведь пока ты в теле Настук, ты уязвима, как любой другой человек?

Осознав, как легко повелась на провокацию, я вложила карту в тубус и, под издевательский смех, вышла из кабины, оставив ненавистное существо в одиночестве. Мне всё сложнее противостоять злу. Я устала, измотана и голодна. Жизнь в изоляции тяжела, и мне не хватает простого общения. Одержимая чувствует это. И постепенно обретает надо мной власть.

Я дала себе слово быть осмотрительнее.

Серое туманное утро сменилось жарким летним днём, но по коже всё равно прошла волна мурашек. Меня словно коснулась холодная рука мертвеца. Этот смех... такой знакомый и такой *живой*. С каждым днём я всё больше теряю рассудок.

Одиннадцать... Целых одиннадцать лет я путешествую по краю в поисках способа освободить Настук – занятие, признаюсь, малоблагодарное, особенно учитывая, насколько трудно добыть информацию. Святые не терпят конкуренции, и политика Святого Порядка однозначна: книги сжигаются, ведовство забывается. Я словно нахожусь посреди окутанного туманом озера и в какую бы сторону ни направила лодку – берега не достигнуть.

* * *

Глава 2

35 день 2-го летнего месяца.

Я всё чаще мечтаю о горячей, сытной еде. Какое-нибудь мясо, приправленное травами, овощи... Мм! Что угодно, лишь бы больше не есть чёрствый хлеб с луком и чесноком.

(Примечание: при расчёте провизии отдавать предпочтение корнеплодам и бобам вместо лука.)

* * *

36 день 2-го летнего месяца.

Следующий день не принёс ничего нового. Туман стелился по поверхности воды, цепляясь за стволы деревьев, растущих вдоль обоих берегов реки. Русло на это отрезке пути было узким, и мне постоянно приходилось выискивать выступающие над водой камни и заторы.

От бесконечного однообразия пейзажа и постоянного недосыпа у меня рябило в глазах. Усталость взяла своё: я крепко уснула, проснувшись только тогда, когда топливо в котельной исчерпалось. Лопасты гребного колеса перестали издавать глухой, ритмичный звук, и судно замерло посреди реки.

Упрекнув себя за беспечность, я отправилась на обход. Кто-то из святых, не иначе, приглядывал за мной – за время, что я спала, лодка не налетела ни на один камень.

С кормы я заметила старый полусгнивший пирс, наполовину скрытый водой. И тут же мне почудился далёкий лай собак. Пирс явно не относился к Вельдарту: слишком маленький для города, но в сложившихся обстоятельствах я была бы рада встретить кого-нибудь, даже охотников с собаками.

Дав задний ход, я направила лодку к пирсу. Лопасты гребного колеса на корме, пришли в движение, и вскоре я причалила к берегу. Одержимая почувяла перемены, и, как только я вошла в кабину, встретила меня оживлённой болтовнёй: *"Эй, куда ты собралась? А как же я? Неужели ты оставишь меня тут одну? Хотя бы оставь оружие, вдруг какой-нибудь душегуб решит воспользоваться моей невинностью..."*

Верная данному слову, я не обронила ни слова.

Поддев под сарафан несколько слоёв нижних рубашек, я развесила на поясе мешочки с солью и солнечным порошком. Несмотря на летний зной, это были необходимые приготовления. Никогда не знаешь, с какой нечистью столкнёшься вблизи реки.

Как и всегда при сходе на берег, лицо закрывала маска. Я надеялась обменять костяные амулеты, соль, мази и отвары из трав на еду. Миряне всегда охотнее идут на контакт, издали замечая колдунью. К тому же, некоторая нечисть способна портить разум, и маска, вырезанная из кости и выкрашенная в яркий красный цвет, защищает меня от её ворожбы.

Костяной кинжал отправился в сапог.

(Примечание: кинжал лучше хранить в более доступном месте.)

* * *

Тот же день, день.

Деревня называется Покша. Всего 15 дворов, нет даже часовни.

Предложенные мной товары их не заинтересовали, и я согласилась разобраться с нечистью, что поселилась в окрестных лесах.

Опросив местных, я узнала, что нападения начались ранней весной, сразу после начала нового сезона, то есть четыре месяца назад. Всегда один и тот же узор: в ночь окончания лунного цикла, то есть в полнолуние, юноши и девушки возвращаются с вечёрок по дороге из Янивора. Нечисть выбирает самых пьяных или одиночек. Тела так и не нашли, но несколько очевидцев заверили, что видели вблизи от деревни существо размером с осла или крупного волка.

Думаю, что в Покше завёлся оборотень.

* * *

Тот же день, за четыре такта до темноты.

Дорога из Покши в Янивор разделяет лес и обрабатываемые крестьянами поля. Ночью здесь никого не бывает, кроме тех, кто возвращается с гуляний. Место как нельзя лучше подходило для засады – в тени деревьев легко прятаться, подстерегая отставших и тех, кто решил достичь единения с природой.

Деревья стояли плотной стеной, и стоило мне углубиться в чащу на десяток шагов, все звуки разом стихли, а дороги и вовсе было не видеть. Я шла параллельно тракту, сосредоточенно рассматривая землю, и довольно быстро на глаза попались следы волчьих лап, глубоко отпечатавшиеся в мягкой земле.

Чтение следов – наука, коей я так и не овладела до конца. Но даже моих скудных знаний хватило, чтобы понять: их оставил кто-то большой.

* * *

[Набросок, выполненный красными чернилами. Отпечаток волчьей лапы с большими, заострёнными когтями. Ниже изображены фазы луны с датами. Небольшая помета теми же чернилами, почерк мелкий и аккуратный: “завтра”.]

* * *

Охваченная охотничьим азартом, я отправилась по следу, который вскоре привёл меня к ручью и небольшой пещере. Днём там не было никого, но все признаки говорили о том, что пещера обитаема. В глаза сразу бросилось присыпанное землёй костровище. Тюк, обмотанный плащом, лежал недалеко от входа, рядом аккуратно стоял котелок и сушились шкурки некрупных животных, в основном зайцев и лис. Кто-то освежевал их, а кости рассортировал, отделив черепа.

У дальней стены был тайник. Под кладкой из камней я нашла ещё один тюк, в который были завернуты меч, двустороннее копьё и кольчуга. находка изумила меня: *зачем оборотню оружие?*

В большинстве случаев оборотнем оказывается кто-то из числа деревенских жителей. Его хорошо знают. Часто – даже подозревают. Однако, похоже, в этот раз я имела дело с кем-то, кто пришёл издалека и обосновался в окрестностях Покши.

Но почему именно Покша? Деревня маленькая, исчезновения людей сразу же заметили. У меня было много вопросов, но только одно решение – с оборотнем нужно расправиться *до наступления полнолуния*. Нет времени ждать ещё несколько дней. Завтра он гарантированно убьёт, а каждый новый день без нормальной еды и сна лишает меня сил.

Я покинула пещеру, позаботившись о том, чтобы место выглядело нетронутым. Вернувшись в лодку, я наскоро перекусила сухарями и начала приготовления. Одержимая чувствовала моё волнение и пыталась вытянуть из меня как можно больше информации.

– *Какое у него проклятье, ты выяснила?*

Я никак не отреагировала, и это внезапно сильно её разозлило. Ударив кулаком о деревянный пол, она припала к прутьям клетки и злобно бросила:

– Эй! Я к тебе обращаюсь! Если ты ошиблась с проклятьем, я же останусь здесь на веки вечные!

В текущем моём состоянии – из-за недосыпа и постоянного голода – мне было сложно противостоять её напору. Оправдана ли моя спешка? Моё тело считало, что да, а потому я отправилась на охоту, взяв с собой капкан и карабин с разрывными патронами.

* * *

Звук: щелчок включения фоноскрипта, за ним слышен тяжёлый, прерывистый вдох. На фоне лёгкий шум воды, скрип. Голос на записи низкий, дрожащий, с лёгким эхом, словно звук доносится из глубины.

Запись 1-4-11.

Меня не было весь день и большую часть ночи. Судорожный вздох. Это был не оборотень. *Плеск. Пуза, тяжёлое дыхание.* Возможно, он последовал за мной до берега. Я должна проверить.

Щелчок. Конец записи.

* * *

Глава 3

Звук: щелчок. Тихий гул и скрип работающего механизма на фоне. Звук тихого пузырька, который всплывает на поверхность воды.

Запись 2-4-11.

Святые уберегли меня от опасности! *Вздох.* Я вывела лодку на середину реки. Чувствую, что оставшуюся часть ночи мне всё равно не сомкнуть глаз. *Пауза. Слышатся шаги.* Не понимаю, как я могла ошибиться! Всё указывало на оборотня – все нападения происходили в ночь полной луны, волчьи следы, что вели к обитаемой пещере недалеко от дороги на Янивор.

Пауза. На фоне звучит щёлчок, затем скрип стула.

Иногда я забываю, как звучит собственный голос, но сам процесс помогает мне собраться с мыслями, пока я обрабатываю рану.

Нечисть, что убивает жителей деревни, иная, нежели я предполагала. Я устала и истощена, а потому не могу мыслить ясно. Никак иначе не объяснить того, что я собираюсь сделать – обратиться за помощью... *Тихий смехок.* Именно сейчас, когда опасность столь близко, она замолчала. Не знаю, тешится ли моей тревогой, или просто надеется избавиться от меня руками своего собрата.

Слышен шорох, словно аппарат передвинули, затем голос становится громче.

Я вернулась к пещере. Оставалось три с половиной такта до наступления темноты. Времени достаточно.

Замаскировав капкан на пути к пещере, я нашла единственное место, где могла оставаться незамеченной, но при этом видеть и тропу, и вход в пещеру, и устроилась в засаде. Время тянулось медленно, как вязкий кисель. Никто не появился.

Когда солнце скрылось за деревьями и сумерки начали укрывать лес ночным покрывалом, я решила, что пора возвращаться. Именно в этот момент чутьё подсказало мне – **я не одна.** Где-то неподалёку хрустнули ветки.

Я приготовилась. Мышцы вновь были напряжены, а я сама превратилась в слух и внимание. Как только оборотень выйдет на тропу, я смогу выстрелить в него. Не убить, но ранить. С такого близкого расстояния я точно не промахнусь. Но...

Голос теперь едва слышим.

Я почувствовала это за спиной. Вонь разлагающейся плоти была нестерпимой, живот скрутило от зловония. Даже сейчас меня преследует этот смрад.

В этот момент две вещи стали совершенно очевидными для меня...

Пауза. Посторонний шум на фоне и бульканье. Звучит другой, более высокий женский голос. Он дальше от микрофона и некоторые слова пропадают.

– Ну... же... не томи! Что это было?!

Во-первых, это совершенно точно был не оборотень, а **упырь.**

– Ох, так и знала!

Во-вторых, я оказалась в ловушке!

Будь я не такой уставшей и голодной, то вероятно догадалась бы установить капкан за собой, чтобы никто не мог подкрасться ко мне, и не оказалась бы в столь опасной ситуации. Карабин слишком длинный, и пока я разворачивала ствол, упырь бросился на меня. Его челюсти сомкнулись на моём плече. Удивительно, но я не почувствовала боли. В начале.

– *Не драматизируй. Я видела, что у тебя там синяк да пара царапин.*

Я потянулась к сапогу, в котором лежал кинжал, но он был слишком надёжно спрятан.

– У тебя же... солнечный порошок, глупышка!

Если ты и дальше будешь прерывать мой рассказ, я просто уйду и заберу с собой фоноскрипт.

– Нет, нет, продолжай... Я... с ума схожу от скуки.

Глаза упыря очень чувствительны к солнечному свету. Именно поэтому нечисть чаще всего преследует людей по ночам...

На фоне звучит смехок.

Щелчок, запись обрывается.

* * *

Звук: щелчок, бульк.

Запись 3-4-11.

Пришлось прерваться, чтобы вставить новую шёпотницу, наполненную водой и кровью. Мои действия сопровождалось потоком замечаний и комментариев, мол: *"Я же предупредила, что это не оборотень"*. Хочу отметить ложность этого факта. Я хорошо помню слова одержимой, и в них ни разу не упоминался упырь.

На фоне звучит бряцанье.

– Заявляю... протест против искажения... слов.

Итак, сорвав мешочек с солнечным порошком, я бросила его в упыря. Вспышка озарила лес ярким жёлтым светом. Упырь завизжал и отпустил моё несчастное плечо. (Зубы упыря не такие длинные, как, скажем, у стрыги, и несколько слоёв плотной ткани уберегли меня от опасности. На плече остался большой кровоподтёк, который по возвращении на судно я обработала мазью из измельчённого лука, бадяги и мёда.)

Воспользовавшись полученным преимуществом, я вскочила и бросилась бежать. Лес был против меня. Ветки хлестали по лицу, юбка цеплялась о корни деревьев. Ноги несли вперёд по той тропе, что, как мне казалось, вела к дороге на Янивор.

Упырь следовал за мной. Позади громко хрустели ветки, вонь, источаемая его телом, становилась сильнее. Расстояние между нами быстро сокращалось.

Тихий стук, как будто пальцы сжимаются на корпусе фонографа.

Карабин всё ещё был заряжен. Я развернулась – лунный свет озарил лесную чащу, явив зло моим глазам, – и выстрелила. Пуля попала в дерево, не задев упыря, но, к счастью, это отпугнуло его, и через мгновение его тень скользнула в кусты.

(Примечание: не забыть добавить набросок упыря в дневник.)

Казалось, сердце вот-вот выскочит из груди. Не тратя времени, я пробежала ещё немного, чтобы разорвать расстояние, а затем остановилась передохнуть и перезарядить оружие. Тогда-то я и поняла: всё это время я не приближалась к дороге, но глубже удалялась в лес. Заблудилась.

– На... месте я... бежала в... сторону.

Возвращаться назад было опасно, как и блуждать по ночному незнакомому лесу. Самым верным решением было следовать дальше по тропе.

В холодном свете луны всё вокруг выглядело величественно и торжественно. Деревьям, что окружали меня, не меньше тысячи лет. Я ступала по мягкому ковру из мха и прелой древесины, прислушиваясь к малейшим шорохам. Уханье совы, звук крыльев летучей мыши... Все мои чувства были обострены до предела, и ничто не ускользало от моего внимания.

Тропа вела на местное кладбище. Голбцы, похожие на кресты с двускатными крышами, топорщились неровными рядами, словно стоящее на страже мёртвых воинство. Вырезанные в деревянных столбах лики усиливали это ощущение. Они взирали на меня со всех сторон с широко раскрытыми глазами, острыми скулами и ртами, замершими в вечном негодовании.

Я осторожно осматривала их, с тоской взирая на разрытые могилы. Мёртвые не любят, когда нарушают их покой, и неизвестно, сколько ещё упырей может водиться в этом лесу.

Уже почти на грани сил я услышала звук текущей воды. Хвала Святым, что послали мне этот знак! Река протекала далеко, но зато слышалась чётко. Я не стала задерживаться и направилась к берегу.

– Вот-вот, хорошая идея! Нечего по ночам ошиваться на кладбищах с ири́ор.

Казалось прошла вечность, когда я наконец вышла к реке. Лунный свет отражался в поверхности воды. Путь был тяжёлым. Берег в этом месте оказался высоким, пологим и скользким, а внизу поджидало множество коряг, прибитых к берегу, и опасно торчащих из воды и глины камней.

Я двигалась вдоль берега до тех пор, пока не увидела знакомые очертания "Белой тени". Краткий миг облегчения и радости сменился животным страхом – ветки рядом со мной громко хрустнули, упырь снова вышел на мой след. Из последних сил я рванула вперёд и как можно скорее взошла на борт.

Щелчок фоноскрипта. Конец записи.

* * *

[Набросок упыря напоминает кошмар наяву. Чернила размылись по краю, создавая ощущение движения. Позвоночник изогнут, неусопший опирается о землю всеми четырьмя конечностями. Внешне он напоминает человека, изменённого действием страшного проклятья, на голове сверкает лысина, по бокам скученные, отросшие волосы. Длинные, тонкие пальцы оканчиваются когтями, отмеченными насыщенными мазками чернил. Чем-то они напоминают крючковатые лапы хищной птицы. На коже пятна и язвы.

Фигура прижимается к земле, готовясь к броску. На фоне изображены покосившиеся голбцы – резные деревянные столбы с уродливыми лицами, внешне напоминающие кресты с двускатной крышей или домики, стоящие на вертикальной оси.]

* * *

Звук: щелчок, бульк. На водной поверхности в шёпотнице возникает рябь от стука шагов по деревянному полу.

Запись 4-4-11.

Теперь бесовка понимает, почему мне нужна её помощь?

– Чай, без моей помощи опять не обойтись?

Тогда – не считается. Там всего на мгновеньице. Вдох-выдох...

– А до этого?

Ты хочешь выйти отсюда или нет?

– Я не всесильное божество и не могу помочь, сидя в клетке. И вообще, хватит меня так называть. У меня есть имя!

Поклянись, что не сбежишь, если я выпущу тебя.

– Вот уж за дуручку меня держишь? Используешь, а потом снова запрёшь. Знаю я – большие на такое не поведусь.

Тогда что ты предлагаешь?

– Сделку. Договор с обоюдными обязательствами. Взаимовыгодное сотрудничество, слыхала?

Слышатся удаляющиеся шаги и невнятное бормотание.

– Ты выпустишь меня, и я буду свободно ходить, куда захочу. Взамен я буду помогать тебе со всем, чем захочешь.

Не бывать такому.

– Тогда разбирайся сама, зазнайка.

Длинная пауза.

Ладно. Ходи, куда вздумается: по палубе, в кабине... но на берег сходить – лишь под моим оком. Обязуешься мне помогать и жизнь мою оберегать, от чужих врагов и от собственной тени.

Ещё одна пауза.

– Ты определённо получаешь больше, чем я. Но-о, так и быть я согласна. Мне осточертел вид этой захламлённой, пыльной дыры!

Это мой кабинет...

– У меня тоже есть условие.

Какое же?

– Зови меня по имени.

Щелчок. Конец записи.

* * *

37 день 2-го летнего месяца 11-го года.

Сделка заключена.

Выпускать бесовку из клетки до проведения ритуала было слишком опасно. Поэтому сперва я вышла в предрассветные сумерки, что ещё лежали серым покрывалом вокруг, и набрала воды в реке. Вернувшись в кабину, кинжалом резанула по своей правой ладони. Бесовка же предпочла левую, которую просунула меж костяных прутьев.

Тёплая кровь смешалась, когда мы соединили ладони. Я облила наши руки речной водой, скрепляя уговор, как велено: кровью и водой. И проговаривая слова заговора:

"Встану не благословясь, выйду на тропу лунную.

Реку перейду не мостом, а водой ключевой,

Не к людям пойду, а к тварям лукавым.

Бесовка ты, черна, не рычи на меня,

Не гляди косо, а дай слово верное:

От зла убережь, от врагов да теней своих оборонить.

Слово моё – Омут.

Слово твоё – пути.

Как сказала, так и будет".

Несомненно, меня ждёт расплата. Но сейчас мне необходима помощь. Иного пути нет.

(Примечание: Йома, так зовут бесовку, за все эти годы ни разу не нарушила свой договор с Настук.)

* * *

Глава 4

Охота на упыря.

В клетке, что я соорудила, каждый элемент был скрупулёзно рассчитан для удержания зла. Прутья ковались с примесью костяного порошка. Раз за разом я натирала их соляным раствором, чтобы сделать ещё более крепкими и обжигающими нечисть. Доски – потолок, пол да дальняя стена – всё вымачивала в крепком соляном рассоле, рапе, так что дерево на ощупь стало твёрже камня.

Раз свесив ноги в колодез, я продолжаю спускаться – и дна всё нет. Каждый раз, как кажется, что природа зла и бесов раскрыта, *Омут* снисходительно раздвигается вглубь. И всё-таки не с пустыми руками я спускаюсь: кое-что мне удалось понять. Одержимых поддерживает сила завладевшего их телом беса. Та, что стояла передо мной, казалась истощённой. Руки тонки, как сучья, ноги усохли от недостатка движения, щёки впали так, что лицо стало похоже на череп, а спутанные волосы – воплощение хаоса. Предо мной был не человек, а тень. Пустая оболочка. Ходячий мертвец.

Проходя мимо, одержимая посмотрела на меня и сказала, не скрывая своего презрения:
– *Хватит глазеть.*

В ту ночь она впервые за долгое время покинула свою темницу и вышла на палубу. Я незамедлительно последовала за ней, убеждённая, что она собирается нарушить условия сделки и сбежать. Но нет. Она просто стояла, втягивая носом воздух и наслаждаясь последними крупинками ночной прохлады.

Сердце кольнула тоска. “Точь-в-точь как Настук”, – подумала я. Со спины их было не отличить. Такая же стройная, изящная фигура, длинные светло-русые волосы...

На востоке забрезжил рассвет – тонкая полоска света над верхушками деревьев. Глаза Настук были прикрыты, веки слегка дрожали, а щёки как будто налились прежней краской.

– Мне нужно отдохнуть, – сказала я, стоя рядом.

– *Надеюсь, ты не проспишь до заката.* – Настук открыла глаза и посмотрела на меня жёлтыми глазами бесовки. – *На упыря лучше ходить днём.*

Наваждение казалось таким реальным... Меня бросило в холодный пот. Ничего не ответив, я стремительно вбежала по лестнице на верхний ярус и заперлась в комнате. “Это не Настук, это не Настук, это не Настук...” – раз за разом повторяла я, обессиленно упав на пол и обхватив колени.

Мне удалось немного поспать, и, когда я вновь спустилась на палубу, солнце стояло высоко в небе. В воздухе чувствовался душный летний зной, от которого не спасала даже свежесть реки. Это время года было самым ненавистным мне. От холода спасает волчий мех, от сырости – сухая одежда и солома в сапогах. А вот жары никуда не спрячешься. Можно сколь угодно раздеваться, но кожу с себя содрать не выйдет.

К счастью, лето подходило к концу. С каждым днём солнечный цикл становился короче. Но вместе с долгожданным освобождением от жары приходило и другое. Сгущающийся морок приводил с собой разную нечисть, что страшила и старика, и младенца.

Именно тогда люди вспоминали, кто в их селе умел вести дела с тонким миром. Обычно это были мельники, кузнецы, пастухи да охотники. И особенно, колдуны и векши, то бишь знающие.

Взглянув на палящее солнце, я сверилась с карманным тактометром. Четыре полных такта до заката. Времени достаточно.

Одержимой нигде не было видно.

[*Часть текста вымарана до нечитаемого состояния.*]

Судно всё ещё стояло неподалёку от берега. Я прошлась по всей палубе, заглянула в кабину – никого. Карабин и патроны к нему хранились наверху, значит, она безоружна, не считая собственной силы.

Моё терпение быстро иссякло. Решив, что бесовка собирается ворожить с двигателем, я выскочила на палубу и почти бегом бросилась к корме. Там-то я и нашла Настук Йому за довольно неожиданным занятием.

Она сидела на краю, напевая какую-то весёлую мелодию. Руки были заняты работой. Чик, чик, чик...

Я застыла, в ужасе глядя, как светлые пряди падают в воду. Как она добыла нож – отдельный вопрос. Нельзя терять бдительность рядом с ней ни на секунду.

– Что ты делаешь с волосами?!

Не прерывая своего гнусного занятия, одержимая перестала петь и с вызовом посмотрела на меня.

– *Не могу же я ходить с вороньим гнездом на голове, правда?*

Разумное замечание. Но смотреть на то, как она оскверняет её тело, было невыносимо. Казалось, с каждым срезанным локоном бесовка присваивала тело себе, отбирая его у Настук.

– А если тебя кто-нибудь увидит так?

– *Мы что, собираемся мило беседовать с кем-то из деревенских?*

– Нет, но вдруг...

– *Вдруг бывает только сама знаешь что... и упыри!*

Одержимая рассмеялась собственной шутке, с явным удовольствием следя за тем, как меня это раздражает. Я же не собиралась так легко уступить ей.

– Хотя бы не разбрасывалась бы волосами, – сделала я замечание строгим голосом.

– *Мне их собрать? С удовольствием спущусь за борт. С твоего позволения, конечно.*

Йома оскалилась, выставив ряд белых зубов. За то недолгое время, что я спала, она стала выглядеть значительно лучше. Коже вернулся розоватый цвет, и она уже не выглядела такой иссохшей, как когда покидала кабину. Здесь, на открытом воздухе, без стен, пропитанных солью, и костей её сила постоянно росла.

– Нет, – ответила я, – я ещё не выжила из ума.

Примерно через полтакта мы были готовы. Я наскоро перекусила остатками сухарей, натёртых чесночным маслом (скорей бы уже поесть горячей еды – мочи нет терпеть!). На случай, если нам всё же повстречается кто-то из деревенских жителей, я предложила Йоме одну из своих старых масок. Как и моя, она была вырезана из кости, окрашена в яркий красный цвет и надёжно скрывала лицо и волосы, а плотная ткань вокруг шеи защищала даже уязвимые места на коже.

– *Я не буду это носить.*

– Это не обсуждается. Или в маске, или никак.

Одержимая с силой выпустила воздух из лёгких, но согласилась без дальнейших споров.

Смотреть на неё в маске было значительно легче. Не только из-за волос. Просто постоянно видеть дорогое лицо, но помнить, что за ним скрывается другая сущность... больно.

Запасшись солнечным порошком и солью, я спрятала кинжал в складках пояса. Винтовка была одна на двоих.

Я направила “Белую тень” к пирсу. Берег кишел мошкаррой, но маски и плотная ткань одежды защищали от них. План был прост: вернуться к тому месту, где произошла встреча с упырем – и где, как я полагала, находилось его логово.

Мы долго пробирались сквозь густой подлесок, пока наконец не нашли на нужную тропу, что привела нас ко входу в пещеру. Капкан, оставленный днём ранее, захлопнулся, однако

никакого следа крови или зверя не было. Костровище выглядело нетронутым, но в сама пещера была пуста. Тюк с вещами, спальник, меч, копьё, – всё исчезло без следа.

На смену удивлению пришло раздражение. Исчезновение монстра могло обернуться катастрофой. По уговору с покшинцами я должна была раз и навсегда избавить их от монстра. Говоря проще, убить его.

Йома стянула с головы маску и задрала нос, с шумом втянув воздух.

– Я же сказала...

– *Кто-то другой жил здесь, не упырь. Пахнет... какой-то псиной. Разве ты не чувствуешь?*

Соляной раствор, которым я обработала внутреннюю поверхность маски, и травы, вложенные в нишу у ноздрей, успешно отбивали запахи. Мне не хотелось вновь почувствовать аромат, источаемый телом упыря.

– В любом случае, это не оборотень. Возможно случайный путник с собакой.

(Очень большой собакой.)

Мы исследовали моё место для засады в поисках следов, указывающих, откуда пришёл монстр. Следов было много. Разных. На то, чтобы определить, какие из них принадлежат упырю, какие – путнику, а какие – мои собственные, наших знаний не хватало.

– Может ты снова понюхаешь воздух, – предложила я.

– *Я тебе не ищайка, чтобы идти по следу.*

Пытаясь сохранить остатки моего терпения, я сверилась с тактометром. Прибор показал, что до темноты теперь оставалось немногим больше двух тактов. Мы лишь зря потратили бесценное время!

Сделав глубокий вдох, я начала размышлять. В отличие от стрыг, упырями становятся уже после смерти. Значит, кто-то из жителей деревни мог вернуться с того света, превратившись в чудовище. Нападения начались в начале весны. Неусопшим мог быть кто-то, кто умер четыре-пять месяцев назад, и его могила сейчас должна быть пуста.

– Давай проверим кладбище. Пройшей ночью я видела разрытые могилы.

– *У, кладбище... обожжаю!*

– Я слышу скепсис в твоём голосе.

При свете дня кладбище выглядело не таким зловещим, как ночью. Голбцы из жутких стражей превратились в обычные деревянные кресты с ликами и именами на них. Некоторые из могил действительно были осквернены.

Меня мало интересовало, что именно послужило причиной – нечистая сила или человеческая алчность. Важно лишь то, что в разрытых ямах тела покоились на своих местах.

Кроме одной.

По всем признакам могила была давно разрыта и совершенно пуста. Земля, успела высохнуть и зарости травами и цветами. На кресте было вырезано имя – “Яркай”. Кем был этот человек и почему лежал в отдалении от остальных?

Певучий голос Наеґуж Йома вывел меня из размышлений:

– *Почему трупы хоронят?*

Вопрос был мне непонятен, и я уточнила, что именно вызывает в ней удивление.

– *Кровь.*

В тот момент я не нашлась, что ответить, но теперь, рефлексирюя о событиях этого дня, начала понимать, что она имела в виду.

Нет силы крепче, чем уговор, скреплённый проточной водой, заговором и человеческой кровью. Сила Омута сильна, но опасным он становится только, когда в него попадает кровь.

Со стороны Церкви намного разумнее было бы предавать тела огню, а не зарывать в землю нетронутыми. Упыри, стрыги и другая нечисть известные охотники до человеческой крови.

* * *

Пришлось сделать перерыв. Йоме почудилось, что с берега за нами кто-то наблюдает. Ничего подозрительного я не заметила, но на всякий случай, осталась на палубе и теперь пишу, глядя на проплывающую зелень. Всего через семь дней закончится лето, а деревья уже начали готовиться к встрече нового сезона, и кое-где глаз радовали жёлто-красные пятна.

Охота на упыря. Продолжение.

Покша встретила нас умиротворяющей тишиной, нарушаемой лишь смехом и музыкой. Источником шума оказалась группа молодых мужчин и девиц в ярких нарядах и масках животных. Я уже видела таких. Они надевали маски в подражание колдунам, словно это могло дать им тайное знание. Просто людская выдумка.

Тем не менее, уличная компания была как нельзя кстати. Они могли бы пролить свет на то, кем являлся Яркай и почему был захоронен отдельно от остальных.

Заметив нас, молодые люди начали перешёптываться, и веселье несколько угагло. Все знают, что колдуны способны сойтись с нечистой силой, и могли как ладить, так и портить тех, кто им не угодил. Ссориться с нами никто не хотел. Особенно, в ночь конца лунного цикла, когда сила Омута особенно сильна.

– Святые в помощь, – приветствовала я их.

– Ба, векшица, живая! Не думал, что хотя бы раз увижу в нашей-то глуши. – Гусяр носил заячью маску с разноцветными ушами, напоминая скомороха на ярмарке. – Говорят на оборотня, охотишься, так?

– Не на оборотня, а на упыря. Ну а вы куда собрались такие ряженные?

Вместо ответа гусяр заиграл быструю, как весенний ручей, мелодию. Задорная, весёлая музыка звучала неуместно в деревне, страдающей от нападений упыря. Его малодушие действовало мне на нервы, зато пришлось по нраву его друзьям. Забыв об угрозе, олени, волчьи, заячьи и кабаньи физиономии подхватили мотив и хором пропели:

– По дорожке в Янивор, за руки взявшись, пойдём погулять, поплясать да себя показать!

– И упыря не боитесь?

– Упырь-то пьяненьких хватает, да поодиношеньке. А мы-то как гурьбой пойдём, с песней да весельем, – ответил гусяр, перебирая струны. – Ни один упырь не посмеет и близко подойти!

Мои попытки отговорить их от рискованной затеи ни к чему не привели. Гусяр лишь громче смеялся и всё играл разные мелодии в насмешку.

В этом споре я совсем упустила из виду одержимую. Обернулась – её и след простыл.

Не раздумывая, я отправилась на поиски. Несмотря на уговор, я не доверяла ей. Люди, не обладающие особыми знаниями, без труда могли спутать одержимую с обычным человеком. Именно поэтому я и не хотела, чтобы она разгуливала по миру без присмотра.

Ошибка полагать, что бесы действуют с грохотом. Намного чаще – это шёпот. Один взгляд, намёк на улыбку, короткая фраза – и что-то внутри человека начинало искривляться. Зло проникает сквозь щели, просачиваясь в тело, как туман, одурманивая сознание и отравляя душу, словно чёрная соль. Жалость, сочувствие, обещание утешения... А дальше – сделка.

Я знаю, о чём говорю. Настук. До сих пор думаю, что могла бы остановить это – если бы раньше поняла, если бы знала, куда смотреть. Но тогда рядом не было никого, кто умел бы называть вещи своими именами. Много лет назад я не сумела уберечь подругу. Теперь – не позволю, чтобы кто-то оказался рядом с Йомой без защиты.

Пройдя по улице, разделяющей деревню надвое, я заметила Йому у одной из изб. Стоя на крыльце, она оживлённо разговаривала с пожилой женщиной в платке и сарафане, сшитом из пёстрых лоскутков. **С поднятой маской. Прямо лицом к лицу!**

Подойдя ближе, я услышала, как они прощаются. Набрав в грудь побольше воздуха, я открыла рот, но одержимая опередила меня. Как только дверь в избу закрылась, она развернулась и залепетала таким же мягким, девичьим голоском, каким, я уверена, втёрлась в доверие к бедной женщине.

– *Яркай жил в лесу у реки.* – Она вновь натянула на лицо маску, но даже так я ощутила торжествующую ухмылку. – *Жил один, без семьи. Умер прошлой зимой. Тело его обнаружили, когда кто-то из деревенских пошёл за сохой. Лежал прямо на пороге кузни.*

Информация была полезной, однако гордость не позволила оценить её вклад.

– Кузнец, значит, – задумчиво проговорила я. Мы вышли через калитку и неспеша направились дальше по дороге, к колодцу.

– *И похоронили его только через три дня.*

– Почему так долго?

– *У них один приход на несколько деревень, в Яниворе. Когда нашли тело, послали за церковником, а тот ушёл в город за благословением.*

– Значит, и отпевания не было. И, полагаю, поэтому крест стоит в стороне от остальных, и земля под ним не освещена. А отчего он умер, неизвестно?

– *Нет. По словам карги, видимых ран на теле не было. Тогда ещё не знали, что в лесу завелась нечисть, и со временем о кузнеце забыли.*

Мы подошли к колодцу, и я покачала головой.

То, что в разрытой могиле лежал кузнец, многое расставляло на свои места. Кузнецы, как известно, нередко заключают сделки с бесами, не ведая, какой ценой обернётся их договор. Душа Яркая давно ему не принадлежала; она была заложена бесу, следящему за тем, чтобы пламя в его кузне никогда не угасало.

Однако сперва его должны были отпеть и отпустить, и тогда-то чёрт получил бы свою плату. Без этого ритуала, душа Яркая, как и любого колдуна, оставалась привязанной к телу. И при определённом стечении обстоятельств в итоге он продолжил жизнь в виде неусопшего, упыря.

Как следует напившись, я сказала:

– Придётся сначала отпеть его.

– *Это ещё зачем?*

В голосе Йомы слышалась явная брезгливость. К моему удивлению, она тоже испила колодезной воды. Вот уж не думала, что бесы могут испытывать жажду.

(Примечание: позже я узнала, что Йоме нужно пить постоянно, чтобы поддерживать свою свою связь с Омуттом.)

– Иначе душа его так и останется в этом мире. Мы избавимся от упыря, но взамен можем породить другую нечисть. Нельзя просто так хоронить тех, кто с нечистой силой дело имел.

Передохнув и набрав в колодце воды, мы отправились к кузнице, что находилась неподалёку от деревни, ближе к реке.

Не скрою, меня одолевало любопытство. Если мои догадки верны, чёрт, возможно, ещё оставался там, ожидая платы.

* * *

Глава 5

38 день 2-го летнего месяца 11-го года.

Приятно сознавать, что трюм полон свежих овощей, зерна и солонины.

До заката остался такт. Скоро наступит время причалить к берегу на ночлег. Там уж и поем как следует – не наскоро, а с чувством.

Йома вызвалась помочь в поиске места для стоянки, дав мне время закончить свой долгий рассказ.

Охота на упыря. Заключительная часть.

Кузницы, как и мельницы, часто строили на отшибе, подальше от людских домов. Кузня Яркая не была исключением и находилась между деревней и рекой. Наш путь снова пролегал через лес, день постепенно клонился к вечеру, хотя до заката оставался полный такт. Длинные тени деревьев окружали нас со всех сторон, а под их сенью томительная жара понемногу отступала, и идти становилось легче.

Узкая тропа поросла сорной травой. Под ногами стучали старые доски. Я смотрела на спину одержимой и не могла не думать о Настук. Какой женщиной она могла бы вырасти, если бы не события одиннадцатилетней давности.

(Примечание: кажется, в сундуке наверху сохранились шёпотницы, что мы записывали в годы трудничества.)

Йома, резко остановилась, и я едва не наткнулась на неё.

Перед нами вырос двускатный сруб с пристроем и каменной трубой, почерневшей от копоти. Из трубы валил густой дым.

Не зная, радушно ли примут нас, я сняла винтовку с плеча и зарядила её разрывным патроном.

Ворота пристроя зловеще скрипнули, пропуская нас внутрь. Приторный запах гнили, смешанный с гарью, ударил в нос, несмотря на маску. Картины прошлой ночи всплывали в моей памяти, и, к своему стыду, я почувствовала, как страх холодной поступью сжимает горло.

Я была права: смерть кузнеца не разорвала его договор с бесом. В зловещем полумраке чёрт продолжал трудиться, чтобы огонь в печи не угасал. Бес не был настроен к нам агрессивно.

Выступив вперёд, я поприветствовала хозяина кузни:

– Чёрт, чёрт, не сердись на меня, не стану очаг твой гасить.

– **Чего надо? Не видишь, работой занят, али чё,** – проворчал бес, скрипучим голосом.

Он отдалённо напоминал гигантского муравья с двумя парами сучковатых рук. Одними он подбрасывал дрова в горнило, другими раздувал огонь при помощи мехов. Как и Йома, он был соткан из морока и сверкал жёлтыми глазами-бусинками, окутанными непроглядной тьмой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.